
КОНЦЕПТ «ДЕСТРУКЦИЯ» И СПОСОБЫ ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ф.Г. Фаткуллина

Башкирский государственный университет
ул. Заки Валиди, 32, Уфа, Республика Башкортостан, 450074

В статье рассматривается концепт «деструкция» и основные способы его представления в русском языке. Раскрывается лингвофилософское и морально-этическое содержание данного концепта, его воплощение на лексическом межчастеречном уровне. Особое внимание уделяется глаголу как номинативной единице категории деструктивности.

Ключевые слова: деструкция, межчастеречное семантическое поле, глагол, категория.

С философской, морально-этической и эстетической точек зрения понятие «деструкция», «деструктивность» обозначает негативные, разрушительные явления действительности. Словари различных типов определяют данное явление как «нарушение, разрушение нормальной структуры чего-либо». Это понятие предполагает, что нормальный ход вещей, развитие какого-либо процесса, исторического, эволюционного движения могут быть нарушены, связи, обеспечивающие устойчивость той или иной системы, могут быть разорваны; жизнь остановлена. Жизнь представляет собой не только плавное, гармоничное развитие материи. Величайший русский ученый, создатель оригинальной теории этногенеза Л.Н. Гумилёв описал закономерности проявления деструктивности в истории культуры [2. С. 320]. Он вывел генезис деструктивности, дал ее характеристики и особенности проявления в историческом развитии обществ, показал формы проявления деструкции в искусстве и литературе. Л.Н. Гумилёв объединил деструктивные явления и процессы в общее понятие «антисистема», выявил причины появления антисистем, их типологические черты и свойства, установил связи с нормами этики. Антисистема и система — два противоположных явления развития этнических цивилизаций. Важным качеством систем, в том числе этносистем, культурных и социальных систем, является внутренняя тенденция к воспроизводству и усложнению своих структур и подсистем.

Деструктивное мировоззрение оказывает негативное, разрушительное воздействие на биосферу, окружающую среду и культуру. Главным же выводом можно считать утверждение Л.Н. Гумилёва о том, что природа, живая жизнь не знают проявлений деструкции (даже когда происходят природные катаклизмы: наводнения, засухи, лесные пожары и другие негативные явления, природа быстро восстанавливает биосферу, восполняет ресурсы); деструктивность — чисто человеческая черта.

Проблемы деструкции так или иначе волновали умы многих деятелей науки и культуры (Н.А. Бердяев, К.Г. Юнг, Ю.М. Лотман и др.).

З. Фрейд, к примеру, выделял проблему деструкции как наиболее актуальную [5. С. 26—80]. Он по роду своей профессиональной деятельности постоянно стал-

квивался с проявлениями деструкции, агрессии, с разрушительными тенденциями психики. Под понятием «деструкция» Фрейд понимал тягу к смерти, тайную, бессознательную силу, заложенную в природе человека. Синонимом деструктивности в учении Фрейда является понятие «агрессия», которое, в свою очередь, обозначает негативные проявления психики, направленные как на объект, так и на субъект, на самого себя.

Таким образом, деструкция — это процесс, направленный в сторону превращения сложной структуры в простую, от многообразия к единообразию, от жизни к смерти, аннигиляции.

Существует много литературы, которая достаточно полно раскрывает понятие «деструкция» с философской, этической, морально-нравственной и даже антропологической точек зрения, т.е. проблема деструкции постоянно находится в поле зрения выдающихся мыслителей современности. При всем различии взглядов на данную проблему ученые единодушны в одном: деструктивность является негативным проявлением человеческого духа, отрицательной энергией, направленной на живую жизнь. Важным для нас моментом является то, что практически все названные авторы отмечают, что деструктивный дух человека находит свое выражение, кроме всего прочего, и в слове. Иными словами, язык связан с действительностью через знаковую отнесенность, отображает ее знаковым способом. Предметы и явления внешнего мира являются значениями знаков через их идеальное отображение. Но чтобы стать общественным достоянием, отражение должно объективироваться в знаках, форме языка, материальной субстанции. Для того чтобы называть, именовать все то, что существует в реальной действительности, человек создает слова.

Известно, что иерархическая структура лексики является отражением и своеобразной интерпретацией формы организации реального мира. Разнообразные объективные связи, существующие в мире между вещами, предметами и явлениями, проецируются на лексическую систему языка, расчленяя ее на взаимосвязанные лексические блоки. Семантические связи между словами, входящими в такие блоки, будут отображением объективно обусловленных связей между предметами внешнего мира, называемых с помощью этих слов и воплощающихся в языке уже как выраженные, закрепленные и социально значимые. Явление, которое мы обозначили термином «деструкция», — это понятие тоже семиотическое и, следовательно, находящее свое выражение в знаках человеческой культуры, имеющих знаковый характер.

Основываясь на определении, что слово — знак для концепта, носитель определенного кванта информации, «...закрепленного за его оболочкой в акте наречения соответствующего объекта» [6. С. 103], что элементарные семантические признаки входят в концептуальные системы и познавательную структуру человеческого ума [6. С. 108], мы считаем правомерным выделение концепта «деструктивность», что позволяет вести речь о специфической языковой категории деструктивности, которая понимается нами как лингвистическая характеристика, отражающая наличие в конкретном языке определенных средств выражения деструкции.

В современном языкознании слова, маркированные значением «деструкция объектов окружающей действительности», определяются по-разному: лексемы разрушения, деструктивные слова (глаголы), глаголы физического преобразующего воздействия (Скребцова, Анищева, Потапенко и др.). Но все без исключения исследователи связывают данные лексемы с обозначением воздействия физической силы одушевленного объекта на неодушевленный предмет, вызывающего качественное или количественное изменение предмета, изменение его состояния, а также создание или ликвидацию объекта.

Мы (принимая во внимание приведенные выше философские воззрения на явление деструкции) вкладываем в данное понятие более широкое содержание, считая, что деструкция свойственна практически всем явлениям объективной действительности.

Сведения, извлеченные из словарных дефиниций понятия деструкции, дают основание выделить следующие существенные признаки деструкции:

— членение, разрушение, изменение, деформация каких-либо объектов и, как результат деструкции, уничтожение;

— любое изменение структуры чего-либо под воздействием различных сил (механических, физических, и т.п.) и невозможность выполнения объектом ранее присущих ему функций;

— разрушение объекта под воздействием температуры, химических элементов, природных явлений, амортизации и т.д., воспринимаемое как его саморазрушение.

Известно, что со времен Й. Гердера и В. фон Гумбольдта в языкознании нарастает тенденция к замене статической модели языка на динамическую модель с акцентом не столько на пространственных параметрах, сколько на временных, на идее связей и отношений, а не на статических предметах, которые интересны своим участием в динамических процессах. Поскольку деструктивность — это наиболее яркое проявление динамических процессов, втягивающее всех ее участников, оно находит самое разнообразное воплощение на лексическом, межчастеречном уровне. Другими словами, в означивании элемента деструктивности участвуют не только глаголы (что естественно), но и другие знаменательные части речи — существительные, прилагательные, наречия, а также фразеологические сочетания. Это дает основание объединить их в межчастеречное семантическое поле.

Лексика представляет собой совокупность частных систем или подсистем, которые и называются семантическими полями, внутри которых слова связаны отношениями взаимного противопоставления. Как известно, основателем теории семантического поля считается немецкий ученый Й. Трир. Согласно этой теории на каждое «понятийное поле», соответствующее определенной сфере понятий (М.М. Покровский называл это кругом представлений), как бы накладываются слова, членившие его без остатка и образующие «словесное» поле. При этом каждое слово получает смысл только как часть соответствующего поля. Наиболее распространенным в языкознании считается определение семантического поля как совокупности языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых

явлений. Семантическое поле единиц характеризуется следующими свойствами: 1) наличием семантических отношений (корреляций) между составляющими его словами; 2) системным характером этих отношений; 3) взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц; 4) относительной автономностью; 5) непрерывностью значения его смыслового пространства; 6) взаимосвязанностью семантических полей в пределах всей лексической системы (всего словаря).

Термин «поле» появился в лингвистике как заимствование из области физики. Обычно термин «поле» употребляется с ограничительными определениями: понятийное, смысловое, семантическое, функциональное, лексическое, ассоциативное и т.д.

У основоположников полевого метода в науке о языке этим термином обозначаются понятийные или смысловые сферы языка. Так, Й. Трир, как уже указывалось, выделяет понятийные сферы, Л. Вайсгербер — части понятийного содержания в языке, Г. Ипсен — смысловые или семантические поля, Ф. Вартбург и Р. Халлиг — внутреннюю форму языка в членении его словарного состава на предметные и понятийные группы.

Таким образом, теория поля развивается по трем направлениям: понятийное поле Й. Трира и Вайсгербера; семантическое поле В. Порцига и Г. Ипсена; понятийные или идеографические словари В. Вартбурга и Р. Халлига.

Современное употребление термина «семантическое поле» восходит к Г. Ипсену, который определял его как «совокупность слов, обладающих общим значением» [7. С. 142—225]. В соответствии с этим семантическое поле — это иерархически организованное множество лексико-семантических единиц, объединенных общим концептом и отражающих определенную понятийную область. Понятие семантического поля является основным в современной лексической семантике. Оно концентрирует в себе главные проблемы лексической семантики и определяет их рассмотрение с позиции системного подхода. Тем не менее семантическое поле остается недостаточно исследованным объектом лексико-семантической области языка. Любое семантическое поле образуется на базе таких общих понятий, как концепт. Концепт, вслед за В.Н. Телия, мы понимаем как «знание об обозначаемом во всех его связях и отношениях» [4. С. 100].

Понятие «семантическое поле» — это явление и методологического характера, определяющее одновременно сам подход к анализу лексико-семантических классов и построению теории ее системно-структурной организации.

Поскольку семантическое поле характеризуется понятийной однородностью единиц, отдельные значения (лексико-семантические варианты — ЛСВ) многозначного слова должны распределяться в силу своей разной понятийной отнесенности по разным полям, т.е. в качестве лексико-семантической единицы поля (как уже отмечалось) выступает лексико-семантический вариант (семема). Как элементарная единица языка она рассматривается в синтагматическом и парадигматическом рядах.

Структурный каркас поля образуется совокупностью отношений всех парадигматических группировок и единиц. Парадигматические отношения могут быть представлены разнообразными классами лексических единиц, тождественных по тем или иным смысловым признакам.

Специфика поля зависит от центральной лексемы, лежащей в основе организации лексико-семантического поля (ЛСП), детерминирующей семантические и словообразовательные деривации конститuentов поля. Исходная определяющая единица, выступающая в качестве доминанты семантического поля, предопределяет семантическое разветвление этого поля, направляя развертывание связей его единиц и его частеречный состав. Семантические поля формируются из слов различных частей речи, поэтому в целенаправленном изучении нуждается их частеречная структура.

Заметим, однако, что межчастеречные семантические поля мало привлекали внимание языковедов. В лингвистической литературе преобладают исследования, посвященные анализу лексико-семантических групп, объединяющих слова одной части речи сходной семантики, в частности лексико-семантические группы глаголов, имен прилагательных, существительных. Однако, как отмечает Э.В. Кузнецова, «лексическая система языка — это не просто совокупность лексико-семантических групп, но прежде всего система частей речи, внутри которых существуют и взаимодействуют друг с другом разнообразные лексико-семантические объединения, аналогичные классам грамматических слов» [3. С. 36]. Взаимодействие единиц осуществляется и между семантическими группами разных частей речи.

В зависимости от грамматико-категориальной природы различаются поля процессуальные, центрируемые глаголами, признаковые — прилагательными, предметные — существительными. Межчастеречные поля охватывают сходные по значению слова признаковой, предикатной семантики и тяготеющие к ним актантные имена существительные. Выделяются три типа межчастеречных семантических полей: с адъективным ядром (в центре поля — имена прилагательные, служащие для обозначения качеств — свойств); с нумеральным ядром (центр поля составляют числительные, служащие для обозначения количества); с глагольным ядром. Межчастеречные семантические поля с глагольным центром привлекают особое внимание, так как они отличаются обширностью своего состава, сложностью и многообразием семантических связей и отношений между единицами поля, строгой внутренней систематизированностью. Все вышесказанное справедливо и для межчастеречного семантического поля деструктивности.

Таким образом, межчастеречное поле, центрированное деструктивными глаголами, семантически интерпретируется как предикатно-актантное поле, включающее в свой состав: а) глагольные и субстантивные наименования ситуаций (*разрывать, разделять, расстреливать; косьба, молотьба, гниение*); б) наименования участников (актантов) ситуаций (*рубщик, боевик, взрывник, убийца*); в) наименования мест, предназначенных для осуществления деструктивной ситуации (локативов) (*бойня, мельница, ворсовальня, дробилка*); г) наименование инструментальных актантов (*топор, пила, мина, бомба*); д) наименования признаков отдельных элементов и участников данной ситуации (*разрушительный, пополам, смертельный, вдрызг*). Каждая частеречная область в составе поля имеет общие и отличительные признаки и может быть объектом самостоятельного исследования. Заметим, что некоторые группы лексики (локативы, существительные со значением орудийности и др.) содержат лишь указание на включенность

элемента деструкции (иногда далекого и ассоциативного) в свою семантику. Тем не менее мы включаем указанные группы в нашу классификацию, так как деструктивный компонент в них все же содержится, хотя и на периферии значения.

Деструктивы мы рассматриваем как межчастеречное семантическое поле с ярко выраженной иерархией классов и подклассов единиц, включающих в свой состав общеупотребительные слова и терминологическую лексику. Глаголы, существительные, прилагательные, наречия деструктивной семантики являются частью обширного семантического поля деструктивности, и их значения организуются ядерной семемой 'деструкция' (обозначающей членение (изменение, разрушение) в самом широком смысле), которая является семантически наиболее емкой и наименее специализированной. Она в наиболее общем виде отражает семантическую идею разрушения (*ломать, рушить, дробить, разделять, отделять* и др.), а в составе других единиц поля эта семема присутствует как идентифицирующий компонент — семантический множитель. В ней нет конкретного указания на то, каким именно способом и орудием совершается действие. Со значениями единиц исследуемой группы ее значение соотносится как родовое с видовыми. Остальные лексемы уточняют, конкретизируют, сужают значение разрушения, выраженное в самой общей форме лексемой «деструкция», называющая процесс, которому может быть подвержен любой объект окружающей действительности.

Таким образом, семантическое поле деструктивности включает в себя деструктивные глаголы, объединенные значениями разрушения, разделения, повреждения и др.; имена существительные деструктивной семантики, также образующие обширные лексико-семантические группы, объединенные общностью значений, имена прилагательные и наречия деструктивной семантики, деструктивные фразеологические единицы, а также терминологическую лексику со значением деструкции.

В состав поля деструктивности входят лексические единицы, которые являются наименованиями практически любой деструкции, существующей в объективной действительности. Любое понятие неразрывно связано с языком. Объективируясь в языке, оно получает материальную, звуковую оболочку, которая является носителем нормализованного категориально-грамматического значения части речи.

Представим общую характеристику отдельных областей в составе поля.

Специализированным лексическим способом представления концепта «деструктивность» в языке является прежде всего глагол, так как любая деструкция — это процессуальный (в широком смысле этого слова) признак предметов и явлений [1. С. 361], имеющий временную протяженность.

По данным нашей картотеки, глагольная часть поля деструктивности включает 1242 единицы: *взрывать, гнить, душить, жевать, заклепывать, калечить, молоть, обезглавливать, отравлять, пилить, разбить, скоблить, точить, царапать, шлифовать, щелочить, эродировать (от эрозия): разрушить* (поверхность чего-либо) и др.

Понятие деструкции может быть интерпретировано не только как процессуальный временной предикат. Оно может быть осмысленно и номинировано также

как вневременной субстанциональный предикат, как это представлено в семантике имен существительных (например: *гниение, косьба, плавление, сверление, ранение, дробление, чистка, варка, долбеж* и др.). В субстантивную часть поля мы включаем и актантные имена существительные, обозначающие участников ситуации разрушения: «тот (то), кто (что) каузирует ситуацию разрушения»: *рубщик, взрывник, бомбардировщик, боевик, грызун; нож, лезвие, пила; бомба, тротил, динамит, взрывчатка, пуля, снаряд* и др.; место, где совершается действие разрушения: *бойня, мельница, лесопилка* и др. Всего в этой части поля представлено 849 единиц.

Понятие деструкции может быть осмыслено также как вневременной атрибутивный предикат; в таком случае оно передается именами прилагательными со значением «такой, который разрушает, видоизменяет, уничтожает что-либо» или наречиями со значением «разрушительно». Адъективную часть межчастеречного деструктивного поля составляют прилагательные (384 единицы): *амортизационный, взрывной механизм* (устройство), *разрушительный, окислительный, раздробленный* и др. В адвербиальную часть поля входят 97 наречий: *разрушительно, раздробленно, губительно, вприкуску, пополам* и др. Таким образом, поле деструктивности имеет предикатно-актантную (пропозициональную) функционально-семантическую структуру, объединяя в своем составе слова предикатной семантики (глаголы, прилагательные, существительные, наречия) и слова актантной семантики (имена существительные).

Имея общую концептуальную основу («деструктивность»), конститuentы поля различаются частеречными категориально грамматическими и функционально-семантическими значениями.

Объединяющим началом для слов разных частей речи служит то, что все они соотносятся с логическим понятием деструкции, отражающим одноименную объективную ситуацию. Под термином «ситуация» понимается совокупность взаимосвязанных предметов и явлений, а элементы ситуации трактуются как дискретно выделяемые при ее восприятии предметы, процессы и их признаки [1. С. 19]. Здесь мы наблюдаем явление межкатегориального перехода понятия (Р.М. Гайсина), при котором понятие разрушения может получать разное языковое оформление в зависимости от того, какую функцию (предиката, атрибута или аргумента) оно выполняет в синтагматической цепи. Как отмечает Ш. Балли, «замкнутые в своих основных категориях знаки служили бы весьма ограниченным источником средств для удовлетворения многочисленных потребностей речи. Но благодаря межкатегориальным заменам мысль освобождается и выражение обогащается и получает различные оттенки» [1. С. 130].

Полевая организация деструктивной лексики подразумевает наличие ядерной и периферийной зон, разграничение которых проводится с учетом таких традиционно предлагаемых критериев, как степень сложности семантической структуры слова, специфика морфологического состава, функционально-синтаксические характеристики слова, его употребительность и т.д. Ядерная зона семантического поля деструктивности организуется деструктивными глаголами, обозначающими непосредственно сами деструктивные явления. Глагол — это актуализирован-

ный предикат, который в своей личной форме организует центр предикативной фразы, например:

Ветер **вырывал** с корнем дерева, **разрушал** дома (КП, 2008, 28 июня); Огонь в одночасье **спалил** полсела (Шолохов); Бурные потоки с шумом несутся с полей и огородов, пересекают улицы, заливают и **разрушают** редкие деревянные мостики (Шолохов); Здесь издавна **перемалывают** кофейные зерна (КП, 2002, 4 апреля).

Ядерная позиция глагола в рамках семантического поля деструктивности объясняется еще и тем, что именно он функционально-семантически обуславливает другие части речи одноименной семантики, которые находятся в отношениях функционально-семантической производности с ним. Глагольная фраза порождает именные фразы; ср.: *ветер разрушает — разрушение ветром — разрушительный ветер — ветер действует разрушительно*.

Глагол способен разноаспектно представлять ситуацию деструкции как саморазвивающееся явление (напр.: *гнить, таять* в значении «становиться деструктивным», т.е. деструктурированным) и как результат действия какого-либо каузирующего фактора (*молоть, колоть, дробить, рвать* в значении «приводить в состояние деструкции»). Во втором случае семантика глагола включает указание на каузацию, а также на каузатора ситуации.

Функционально-семантическую близость с глаголами обнаруживают предикатные имена существительные (такие как *дробление, молотьяба, ранение, варка* и т.п.), которые представляют собой их синтаксические дериваты. Предикатные имена существительные возникают в результате номинализации высказывания, т.е. перевода предикативной фразы в именную, субстантивную, например:

Нам сообщили о **ранении** поручика, которое оказалось очень серьезным, и его пришлось отправить в госпиталь (Лесков); В городах и близлежащих селах только к утру прекратилась **бомбардировка** (Шолохов); **Казни и пытки** бояр царем Иваном Грозным объяснялись его жестоким характером: в детстве, мол, царевич бросал с крыши кошек и собак, а сделавшись царем, стал казнить людей (А. Толстой).

Это становится очевидным при соответствующих трансформациях: *ранение поручика* — «кто-то ранил поручика»; *казни и пытки бояр* — «кто-то казнил и пытал бояр» и т.д.

Предикатные имена существительные представляют ситуацию разрушения отвлеченно, «опредмеченно». В их значениях денотативная сема «деструкция» сочетается с категориально-грамматической семой «предметность», благодаря чему деструктивные имена существительные могут выполнять аргументную (актантную) функцию, например:

Постепенные фазы **разложения** и **сгорания** топлива как бы разделены в пространстве по зонам, растянутым вдоль сопла в цепочку (из научной статьи).

Имена прилагательные, словообразовательно связанные с глаголами, обычно наследуют валентностные свойства соответствующего глагола, например:

Разрушительной силы ураган вырывал с корнем дерева, разносил в щепы мосты (Шолохов); Особого присмотра за лесом не видно: тут и там раскиданы **сломаные** ветки (Солоухин).

Прилагательные, образованные от имен существительных, имплицитно в лексическом значении сему, указывающую на одного из участников ситуации, в связи с чем они теряют соответствующую синтаксическую валентность: *взрывное* (устройство), («то, что разрушает взрывом»), *окислительный*, *эрозийный* («разрушающийся в результате эрозии»), *аварийный* («разрушенный в результате аварии») и «то, что устраняет аварию») и др., например:

Взрывной волной его [капитана 1 ранга] и двух солдат отбросило на несколько метров (Шолохов); Издалека доносились **бомбовые** удары (Шолохов); Соединение какого-нибудь вещества с кислородом дает **окислительную** реакцию (из научной статьи); **Аварийная** служба не успела вовремя добраться из-за снежных заносов (КП, 2006, 4 февраля) (ср.: аварийная ситуация).

К именам прилагательным примыкают наречия со значением расчленения (разрушения). Наречий, обозначающих «чистую» деструкцию, в русском языке очень мало; в большинстве своем они словообразовательно связаны с глаголами и именами прилагательными (*разрушительно*, *убийственно*, *отдельно*, *вдребезги*, *пополам* и др.). Примеры:

Прохожий **судорожно** сломал палку и приготовился к нападению (КП, 2007, июнь); Разорвав **пополам** рубашку, он стал быстро забинтовывать раненую ногу (Шолохов); Нагнувшись, она начала подбирать осколки **вдребезги** разбитой вазы (Чаковский).

В состав семантического поля входят также фразеологические единицы, выражающие понятие деструкции в различных интерпретациях, например: *влепить пару горячих*, *всыпать чертей*, *разделать под орех*, *без ножа зарезать*, *оторвать бабку* и др.

Фразеологические обороты в составе межчастеречного поля деструктивности преимущественно ориентированы на предикатное функционирование; по выражаемому значению они могут быть соотнесены с глаголом (*разрушить* (*разрушаться*)), а также глагольно-именным сочетанием (*делать разрушенным* (*находиться в состоянии разрушения*)): *выматывать душу*, *выбить* (*выбивать*) *дурь*, *выжигать каленым железом* — «окончательно уничтожать», *дать дуба* — «умереть», *заметать следы* — «уничтожать улики», *дары данайцев* (книжн.) — «коварные дары, несущие гибель для тех, кто их получает», *сжигать корабли* — «окончательно порывать с прошлым».

Фразеологические сочетания со значением деструкции образуют единую систему с лексемами, составляющими межчастеречное семантическое поле деструктивности. Фразеологические единицы, выполняющие в предложении сказуемостную функцию, соотносятся с глаголами, а другие — примыкают к именам существительным и наречиям.

На основании сказанного можно заключить, что проблемы, рассматриваемые в настоящей статье, находятся в русле современных тенденций семасиологии.

Деструктивность предстает практически как универсальная категория, являя существенные, отличительные и категориальные признаки действительности и являясь одним из инструментов познания мира.

Понятие деструктивности выступает в качестве элемента содержания лингвистических единиц разной частеречной природы (глаголов, имен существительных, прилагательных, наречий и также фразеологических единиц). Эти разнообразные единицы образуют межчастеречное лексико-фразео-семантическое поле, которое семантически интерпретируется как предикатно-актантное поле функционально-семантической природы, включающее в свой состав предикатные и актантные слова, значения которых организуются доминирующей семой «деструкция».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гак В.Г.* К проблеме синтаксической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. — М.: Наука, 1972.
- [2] *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. — Л.: Гидрометеоздат, 1990.
- [3] *Кузнецова Э.В.* Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов (К вопросу о природе ЛСГ): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — Свердловск, 1974.
- [4] *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М.: Наука, 1986.
- [5] *Фрейд З.* Психоаналитические этюды. — Минск: Попурри, 1997.
- [6] Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. — М.: Наука, 1991.
- [7] *Ipsen G.* Der Alte Orient und die Indogermanen // Festschrift für W. Streiberg. — Heidelberg, 1924.

CONCEPT «DESTRUCTION» AND BASIC WAYS OF ITS REPRESENTATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

F.G. Fatkullina

BashGU

Zaky Validy str., 32, Ufa, Resp. Bashkortostan, 450076

The article deals with the concept «destruction» and basic ways of its representation in the Russian language. Moral and ethical and linguistic and philosophical contents of this concept are revealed, its realization on the lexical and part-of-speech level is also discussed here. Verbs as nominative units of destruction category are paid special attention to.

Key words: destruction, inter-part-of-speech semantic field, verb, category.